

МАРИАННА

Цикл романов
Ж. Бенцони о любви

JULIETTE
BENZONI

MARIANNE,

Jason des quatre mers

Читайте в серии

МАРИАННА, ИЛИ ЗВЕЗДА
ДЛЯ НАПОЛЕОНА

МАРИАННА,
ИЛИ ФАВОРИТКА
ИМПЕРАТОРА

МАРИАННА, ИЛИ ЯЗОН
ЧЕТЫРЕХ МОРЕЙ

ЖЮЛЬЕТТА
БЕНЦОНИ

МАРИАННА,

или Язон
четырёх морей

Москва
2016

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
Б46

Juliette Benzoni

MARIANNE, JASON DES QUATRE MERS

© Juliette Benzoni, Marianne, Jason des quatre mers, 1969
Tous droits réservés

Перевод с французского *С. Нечаева*

Художественное оформление *П. Петрова*

Бенцони, Жюльетта.

Б46 Марианна, или Язон четырех морей/ Жюльетта Бенцони ; [пер. с фр. С. Нечаева]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 512 с. — (Марианна. Цикл романов Ж. Бенцони о любви).

ISBN 978-5-699-90120-3

После замужества в Италии Марианна Д'Ассельна возвращается в Париж. Страсть императора к ней угасла, да и самой Марианне удалось разобраться в своих чувствах. Случайно на балу она с волнением встречает мужчину, который когда-то рисковал жизнью ради ее спасения. Язон Бофор, моряк с другой стороны Атлантики, неутомимый искатель приключений, уже женат, но все еще влюблен в Марианну, как в день их первой встречи. Вокруг них плетется страшный заговор императорских политиканов. Язона приговаривают к смертной казни за преступление, которого он не совершал, и Марианна бесстрашно бросает вызов самому императору.

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-699-90120-3

© Нечаев С. Ю., перевод на русский язык, 2016
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

Часть первая

Царский курьер

Глава 1

Застава Фонтенбло

Карета вихрем пролетела мимо Экских ворот и углубилась в узкие темные улочки древнего Авиньона. Солнце стояло высоко. Оно золотило городские укрепления, четко вырисовывая зубцы стен и квадратные башни, вспыхивало молниями на спокойной глади реки, неторопливо несущей свои желтые воды под полуразвалившимися сводами старого моста Святого Бенезета. На самой высокой башне прекрасного папского дворца статуя Святой Девы сверкала, словно звезда. Чтобы лучше видеть, Марианна опустила покрытое пылью стекло и с наслаждением вдохнула теплый воздух Прованса, полный ароматов оливок, тмина и розмарина.

Шел пятнадцатый день с того момента, как она покинула Лукку. Сначала ехали по дороге вдоль побережья, затем — по долине Роны, и все это делалось небольшими этапами, ибо состояние Марианны, находившейся на четвертом месяце беременности, требовало определенной осторожности, плюс не хотелось слишком переутомлять лошадей. Теперь в карету были впряжены не обычные почтовые лошади, а четыре великолепных скакуна из конюшен Санта-Анна. В день делали примерно по десять лье¹

¹ Лье — старинная французская единица измерения расстояния. Сухопутное лье равно 4445 метрам (1/25 градуса меридиана), а почтовое лье равно 3898 м (2000 туазов). — *Здесь и далее прим. перев., если не указано другое.*

и каждый вечер останавливались в каком-нибудь постоялом дворе.

Это путешествие наглядно продемонстрировало Марианне, насколько поменялось ее положение. Красота лошадей и гербы с коронами, нарисованные на дверцах ее кареты, повсюду обеспечивали ей прием не просто услужливый, но и очень даже почтительный. Она открыла для себя всю прелесть статуса знатной дамы. Что же касается Гракха и Агаты, то они чуть ли ни лопались от гордости, осознавая, что находятся на службе у княгини, и при любой возможности старались это показать. Достаточно было посмотреть на Гракха, каждое утро появлявшегося в общем зале постоялого двора, где они ночевали, и торжественно провозглашавшего, что «карета Ее Светлости подана...». Бывший посыльный с улицы Монторгей явно принимал себя за императорского кучера.

Со своей стороны Марианна находила некую прелесть в неторопливости этого путешествия. Возвращение в Париж не сулило ей большой радости: пусть перспектива вновь увидеть дорогого Аркадиуса и радовала, но в столице ее ожидали и всевозможные неприятности: угрожающая тень Фрэнсиса Крэнмера была, очевидно, не из последних, равно как и прием, уготованный ей императором. Пока она находилась в пути, риски ограничивались возможной встречей с разбойниками, но до настоящего времени ни одна угрожающая фигура не появилась перед ее каретой. В конце концов, монотонно бегущая обсаженная кустарником дорога начала стирать в памяти Марианны призраки и туманы виллы Санта-Анна, ибо она изо всех сил старалась не вспоминать тревожное лицо Маттео Дамиани и загадочный силуэт всадника в маске, навеки ставшего ее супругом. Позднее она об этом еще подумает, позднее... когда она определится с новой линией своей жизни, которая будет ее собствен-

ной и о которой сейчас она не имела ни малейшего понятия, так как полностью зависела от Наполеона. Совсем недавно император покровительствовал певице по имени Мария-Стелла, но теперь как он поступит с княгиней Санта-Анна? По правде говоря, вышеназванная княгиня и сама толком не знала, чем займется ее благородная особа. В очередной раз она оказалась замужем... Замужем, но без мужа!

Вид Авиньона очаровал Марианну. Возможно, все дело было в солнце... Или в ленивом течении реки, или в теплых тонах цвета древних камней, или цветущей на всех балконах герани, а может быть — в шелковистом шуршании серебристых олив или в певучей болтовне кумушек, одетых в пестрые юбки... Но, в любом случае, ей захотелось остаться здесь на несколько дней и лишь потом двинуться в сторону Парижа. Она выглянула в окно кареты:

— Посмотри, Гракх, нет ли тут приличной гостиницы? Мне хочется остановиться тут на два-три дня. Здесь так красиво!

— Можно поискать, мадам. Я уже заметил большой постоялый двор с красивой вывеской вон там, тем более что нам все равно пора делать остановку...

И действительно, рядом с Ульскими воротами находился постоялый двор «Дворцовый», один из самых старинных и комфортабельных в городе, с высокими стенами цвета охры, покрытыми римской круглой черепицей, и с увитыми виноградом сводами. Здесь же имелась и почтовая станция, о чем свидетельствовал только что прибывший большой запыленный дилижанс, из которого, пошатываясь, выходили пассажиры, под звон колокольчиков, крики почтовых служащих и радостные восклицания встречающих, южный акцент которых напоминал шум перекатывающейся речной гальки.

Стоя на крыше дилижанса, один из почтовых служащих откинул большой брезент и стал передавать чемоданы, мешки и прочий багаж пассажиров одному из конюхов постоянного двора. Покончив с кладью, он начал сбрасывать пакеты с газетами. Это были свежие номера «Монитора», которые пересекли всю страну, чтобы принести провансальцам последние новости из Парижа. Один плохо упакованный пакет выскользнул из рук служащего. Веревка лопнула, и газеты рассыпались по земле.

Один из слуг конюшни бросился их подбирать и, случайно взглянув на первую страницу, вдруг закричал:

— Пресвятая Дева! Наполеон сместил этого своего Фуше! Вот это новость!

И сразу же поднялся невероятный шум. Слуги с постоянного двора и его клиенты бросились к рассыпавшимся газетам, пытаясь подхватить экземплярчик и тут же обсудить случившееся.

— Фуше отправлен в отставку! Но это невозможно!

— Ба! Император, видимо, решил, что с него достаточно!

— Дело не в этом! Просто император решил доставить удовольствие молодой императрице! Для нее было невыносимо каждый день встречаться с бывшим цареубийцей, революционером, голосовавшим за смертную казнь ее дяди, короля Людовика XVI!

— Не значит ли это, что теперь начнут «доставать» всех бывших санкюлотов, ставших ныне важными персонами? Вот было бы здорово!

Каждый высказывал свое мнение, и все делали это одновременно: одни — с удивлением, другие — с радостью. Прованс никогда не был искренне привязан к новому режиму. Он оставался глубоко роялистским, и конец Фуше больше радовал, чем пугал.

Что касается Марианны, то она снова позвала Гракха, который, сидя на своем высоком сиденье, следил за происходящим.

— Пойди-ка, принеси мне газету! — приказала она. — Живо!

— Сейчас, мадам... Я только закажу для вас комнату.

— Нет. Немедленно! Если эти люди не ошибаются, мы, возможно, не останемся здесь.

Новость действительно была для нее очень важной. Ведь Фуше был ее старым преследователем, человеком, который осмелился угрозами внедрить ее шпионкой к Талейрану, который оказался неспособным избавить ее от лап Фаншон-Лилии или же он не захотел это сделать. По его милости Фрэнсис Крэнмер смог безнаказанно разгуливать по Парижу, шантажировать ее, похитить Аделаиду д'Ассельна, ее кузину, а потом, в конце концов, бежать из Венсенского замка и вернуться в Англию, чтобы возобновить там свою мерзкую деятельность. И вот этот человек теперь вдруг утратил свое опасное могущество, делавшее его закулисным хозяином всей страны! Это было слишком хорошо! Такое даже трудно было себе вообразить...

Однако когда в ее руках оказался уже пожелтевший после долгого путешествия пыльный листок, она вынуждена была поверить своим собственным глазам. «Монитор» не только сообщал о замене министра полиции герцога Отрантского на Савари, герцога де Ровиго, но и публиковал полный текст официального письма, адресованного Фуше императором.

«Услуги, оказанные нам при различных обстоятельствах, позволяют доверить вам пост губернатора в Риме, в соответствии со статьей 8 Конституционного Акта от 17 февраля 1810 года. Мы надеемся, что

и на новом посту вы продолжите являть нам доказательства своего рвения к службе и привязанности к нашей особе...»

Нервным движением Марианна скомкала газету и дала волю охватившей ее радости. Это было даже лучше того, о чем она только могла мечтать! Изгнанник! Фуше становился изгнанником! Ибо не могло быть и сомнений в подлинной значимости поста губернатора в Риме, вполне почетного, но не более того. Наполеон решил отправить Фуше подальше от Парижа. Что же касается причины подобного решения, то газета, конечно же, ничего об этом не сообщала, но внутренний голос прошептал Марианне, что здесь явно оказались замешаны тайные переговоры бывшего министра с Англией...

Другая новость, впрочем, совершенно не связанная с устранением Фуше и специально помещенная достаточно далеко, чтобы читателям не пришлось в голову связать между собой эти два события, усилила ее уверенность. В тот же день, когда Фуше был «отблагодарен», арестовали банкира Уврара — за взяточничество и посягательство на безопасность государства, да еще и прямо в салоне одной блестящей парижанки, известной своей преданностью императору. Марианна тут же подумала о Фортюнэ, о ее угрозах в адрес своего любовника из-за неприличного предложения, которое тот осмелился сделать Марианне. Не у нее ли был арестован Уврар? В таком случае не от нее ли Наполеон узнал и обо всей этой английской истории? Прекрасная креолка, такая же преданная в своей дружбе, как и непримиримая в отмщении, была вполне способна на такое ...

— Что решила госпожа княгиня?

Обеспокоенный голос Гракха вырвал Марианну из ее размышлений. После подобной новости о неторопли-

вом путешествии не могло быть и речи. Необходимо было возвращаться — и побыстрее! Лишенный поддержки, Фрэнсис больше не представлял опасности. И она послала молодому кучеру сияющую радостью улыбку, первую после отъезда из Лукки.

— Вперед, Гракх! И как можно быстрее! Надо срочно добраться до Парижа.

— А разве мадам не помнит, что у ее кареты больше нет почтовых лошадей? Если мы поедем без остановок, эти падут прежде, чем мы доберемся до Лиона, и, если мадам позволит, это будет очень обидно!

— Я не желаю загнать своих лошадей, но мне хотелось бы, чтобы этапы были по возможности длиннее. Итак, сегодня вечером мы едем дальше. Вперед!

С тяжелым вздохом Гракх-Ганнибал Пьош поднялся на козлы. Затем, сопровождаемый разочарованными взглядами хозяина постоянного двора, лично подбежавшего к столь элегантному экипажу, он развернул карету, щелкнул кнутом и направил ее на Оранжскую дорогу.

Лошади Марианны подтвердили свои исключительные качества, а Гракх — свое умение, и дорожная берлина, настолько покрытая грязью и пылью, что невозможно было разобрать, какого она цвета и какие на ней изображены гербы, с наступлением ночи подъехала к заставе Фонтенбло¹. Молодая женщина не смогла сдержать вздох облегчения, увидев фонари таможни, загоревшиеся над портиками благородных павильонов, созданных гением Леду². Наконец-то она приехала!

Радость, охватившая ее в Авиньоне и заставившая лететь во весь опор по дороге в Париж, по правде говоря,

¹ Ныне это площадь Италии. — *Прим. автора.*

² Клод-Николя Леду (1736—1806) — знаменитый французский архитектор, работавший в стиле классицизма и предвосхитивший многие принципы модернизма.

по мере приближения к столице немного поубавилась. Проезжая по городам и останавливаясь в постоянных дворах, Марианна быстро обнаружила, что почти повсюду ссылку Фуше рассматривали как катастрофу. Причем не столько из симпатии к этому человеку, сколько из-за стойкой антипатии к его преемнику. Ходили разные слухи, но в основном все считали, что Наполеон сослал своего министра, чтобы понравиться новой жене. Все, кто в той или иной степени были замешаны в Великой французской революции, заволновались не только за свое благополучие, но и за безопасность. Император, похоже, хотел позволить «племяннице Людовика XVI» взять верх над генералом Бонапартом. Плюс все боялись Савари, ибо он был человеком, слепо преданным своему хозяину, ограниченным во взглядах, безжалостным и лишенным чести, — эдакий имперский жандарм, способный неукоснительно исполнить любой приказ, каким бы чудовищным тот ни был. В особенности перепугались роялисты, ибо Савари практически стал палачом герцога Энгиенского¹. В общем, Марианна с изумлением обнаружила, что французы, растерявшиеся и напуганные, уже были недалеко от того, чтобы наделить Фуше статусом святого или, по крайней мере, единодушно его пожалеть.

«Но уж я-то не пожалею о нем никогда! — решила она, со злобой вспоминая обо всем, что ей пришлось перенести по его вине. — К тому же Савари ничего плохого мне не сделал, и мы с ним даже не знакомы! Таким образом, я действительно не вижу, чего мне опасаться в его назначении».

¹ Луи-Антуан де Бурбон — Конде, герцог Энгиенский (1772—1804) — французский принц крови, вошедший в историю из-за того, что он был похищен по приказу Наполеона и расстрелян 21 марта 1804 года во рву Венсенского замка. Поспешный «суд» над ним в чем не повинным герцогом был организован Савари.

Но, несмотря на эти успокаивающие мысли, она не смогла сдержать чувство тревоги при виде таможенников, с особой тщательностью осматривавших ее карету.

— Могу ли я спросить, а что вы, собственно, ищете? — нетерпеливо бросила она. — Не думаете же вы, что я прячу под подушками бочку с водкой?

— Приказ есть приказ, мадам! — ответил жандарм, только что вышедший из здания таможни. — Все приезжающие в Париж кареты должны быть досмотрены, особенно если они прибыли издалека. Откуда вы прибыли, мадам?

— Из Италии! — ответила Марианна. — И я клянусь, что не везу ни контрабанды, ни заговорщиков. Возвращаюсь домой, вот и все!

— У вас должен быть паспорт, — сказал жандарм с лукавой улыбкой, показавшей впечатляюще белые зубы под усами, большими и пушистыми, как щетка. — Может быть, это паспорт, выданный еще по приказу господина герцога Отрантского?

Очевидно, подобные паспорта теперь ценились мало, и она поблагодарила судьбу, сделавшую ее подданной великой герцогини Тосканской. Марианна с гордостью показала паспорт, который ей галантно вручил через три дня после свадьбы граф Герардеска.

— На этом паспорте стоит подпись Ее Императорского Высочества принцессы Элизы, великой герцогини Тосканской, принцессы Лукки и Пьомбино... и сестры Его Величества императора и короля... как вам, должно быть, известно? — добавила она с иронией, ощущая язвительное удовольствие от перечисления всех этих помпезных титулов.

Но жандарм был совершенно непроницаем для любой иронии. При свете фонаря он с трудом начал по слогам читать имя, написанное на официальной бумаге.

— Марианна-Элизабет д'Ассель... на де Вильнев... княгиня Сарта... нет, Сантан...

— Санта-Анна! — нетерпеливо поправила его Марианна. — Могу я подняться к себе в карету и продолжить путь? Я сильно устала... и к тому же начинается дождь.

И это была правда. Большие капли, круглые и тяжелые, как монеты, начали падать, оставляя глубокие впадины на покрывавшей карету пыли. Но жандарма в треуголке это, похоже, не волновало. Он бросил на Марианну полный подозрения взгляд.

— Вы можете садиться, но не двигайтесь с места! Мне надо еще кое-что проверить.

— Хотела бы я знать — что? — возмутилась Марианна, увидев, что он уходит в дом с ее паспортом. — Неужели этот недоумок решил, что у меня фальшивые документы?

Ей ответил старый зеленщик, повозка которого, полная капусты, остановилась рядом с берлиной.

— Не надо волноваться, м'дам! Так делают с'всеми, и днем, и ночью. Они стали придирчивы, н'поверишь как! Увряю вас, они пер'вернут всю мою к'пусту, будут искать в ней какого-нибудь чертова з'говорщика!

— Но, в конце концов, что происходит? Было покушение? Сбежал преступник? Ищут бандитов?

Марианна была уже готова поверить, что Наполеон приказал разыскать ее, чтобы наказать за замужество без высочайшего разрешения.

— Н'чего особенного, м'дам! Просто этот пр'клятый Савари вообразил, будто он один — верный слуга имп'ратора! И вот те шарит, и вот всех допрашивает. И кто его т'кого высидел? И откуда он т'кой вылупился? Все-то ему нужно знать...

Зеленщик наверняка еще бы долго возмущался, но тут появился усатый жандарм — на этот раз в сопровождении юного младшего лейтенанта, безусого и застегнуто-

го на все пуговицы. Тот подошел к карете, небрежно поздоровался и, окинув Марианну нагло-оценивающим взглядом, спросил:

— Похоже, вы и есть мадам Санта-Анна?

Рассерженная тоном этого молокососа, Марианна почувствовала, что теряет самообладание.

— Действительно княгиня Санта-Анна, — по слогам выговорила она, — и ко мне следует обращаться так: Ваша Светлость... или Ваше Сиятельство, — на выбор, лейтенант! Можно подумать, что вас в жандармерии не слишком-то погружают в изучение правил хорошего тона?

— Нас обучают исполнению своего долга, и этого достаточно, — заметил молодой человек, ничуть не смущенный высокомерным тоном этой женщины. — А мой долг состоит в том, чтобы немедленно проводить вас к министру полиции, Ваша Светлость, если... вы соизволите сказать своей горничной, чтобы она уступила мне место!

И еще до того, как задохнувшаяся от гнева Марианна успела ответить, лейтенант открыл дверцу и поднялся в карету, где Агата машинально встала, чтобы освободить ему место рядом с хозяйкой. Но последняя решительно удержала девушку за руку.

— Оставайтесь здесь, Агата! Я не приказывала вам вставать и не привыкла позволять садиться рядом со мной кому попало. Что касается вас, месье, то я плохо поняла? Не хотите ли повторить, что вы только что сказали?

Вынужденный стоять, неудобно согнувшись, молодой лейтенант пробурчал:

— Я сказал, что должен без промедления проводить вас к министру полиции. Ваше имя вот уже с неделю как сообщено на все заставы. Это приказ.

— Чей приказ?